

- Мике всё время ранится в одном и том же месте?

Это порез? Или может он вывихнул палец, когда ловил мяч? Если бы он занимался спортом, то вполне мог бы получать похожие травмы раз за разом.

Но, насколько я знаю, Мике не из тех, кто ходит по секциям.

Постоянно ранить одно и то же место – как-то язык не поворачивается списать все это на случайность.

- Ты уверен, Нора?

- Ты в школу не ходишь, вот и не заметил.

Погода сейчас неуклонно меняется к весне. То самое время, когда в теплой одежде уже жарко, а в тонкой еще холодно. Через несколько дней начнутся занятия, так что скоро я увижусь с Мике.

Одно и то же место ранить неестественно, – не выходило у меня из головы.

Однако за весь год больше ничего плохого с ним не случилось. Может быть, мне можно увидеть его пораньше?

- А что за рана у него?

- Под повязкой не видно. Ткань не влажная, так что, думаю, рана не открытая.

Нора закатал рукав на своей левой руке и показал:

- Где-то здесь.

Предплечье ближе к локтю.

- А Мике что сказал?

- Типа неприятности.

- Неприятности. И ты поверил.

Впрочем, если бы Ватару так сказал, я бы тоже поверил.

В любом случае я никак не мог понять, почему аккуратный Мике неосторожно ранится в одном и том же месте.

Не в силах сдержать беспокойство, я достал из портфеля телефон.

Набрал Мике, но дозвониться не смог. Делать нечего, я взял с вешалки только что снятую куртку.

- Ты куда?

- К Мике. Непокойно мне.

- Нельзя.

Расправляя закатанный рукав, Нора с силой потянул меня за капюшон. Я покачнулся и чуть не упал, но он поймал меня своими сильными руками и усадил обратно на кровать.

- Ты устал. Так что сидеть.

Я тут же снова попытался встать, но он навалился всем весом мне на плечи, не давая подняться.

- Нора, - воззвал я к нему с укоризной.

Тщетно. Он отнял у меня куртку и зашвырнул её подальше.

- Опять в больницу хочешь вернуться? - сказал он, указывая на след от капельницы на моей правой руке. С детства мои руки часто бывали лиловыми от того, что в тонкие вены было трудно попасть иглой.

- Ладно. Тогда завтра. Если беспокоишься, можешь тоже пойти.

Впрочем, я мог бы и не говорить - он и так бы пошел.

Наконец он отпустил меня.

Честно говоря, поход к Мике по поводу его раны был отчасти предлогом. На самом деле мне хотелось вдохнуть воздух окружающего мира.

***

На следующий день у Норы на щеке пластыря уже не было. Его порез и так не был чем-то серьезным, да он особо и не обращал внимание на свои царапины.

- Как насчет прогуляться?

Дойдя по тротуару до светофора, мы перешли дорогу. Я шел своими собственными ногами, чувствуя городскую толкотню всей кожей. Это ведь то, что делают все люди в обычной жизни. И мне тоже хотелось делать так же. Хотелось!

- На машине если, к черту такую прогулку!

- Раз ты такой упрямый, думаю, Ватару разрешит до станции пешком дойти.

Ватару по профессии книжный иллюстратор, поэтому обычно работает дома. Обмануть его очень сложно, а сказать начистоту, что хочу выйти - сразу в машину затолкает.

- Он с меня глаз не сводит. Перед тем, как выписаться, я тренировался выходить на улицу, и тогда он вроде был спокоен. После реабилитации я и физкультурой смогу заниматься.

Мы уселись на пустую лавочку на платформе, и я стал разглядывать спешащих куда-то прохожих. Не мог отвести взгляд от людей в офисной одежде, то и дело на ходу поглядывающих на часы. От одной мысли, что я тоже смогу работать, как они, мне почудилось, будто сжавшийся мир снова расширяется.

- Я знаю, - произнес Нора, - что у твоего донорского сердца ещё не наладилась связь с твоими нервами, поэтому, если с сердцем что-то случится, ты не почувствуешь боли.

Это факт. У сердца, которое сейчас бьется в моей груди, еще нет контакта с мозгом. Поэтому, когда я двигаюсь, мой пульс не сразу ускоряется, и наоборот. Со временем мозг начнет приспособливаться, вырабатывать гормоны, и связь с нервными окончаниями наладится. Но это все вопросы будущего.

- Кто это тебе наговорил?

- Цукаса и Ватару. Просили приглядеть за тобой.

Словно заглушая мой глубокий вздох, прозвучало объявление.

Там и сям люди, поднимаясь с лавок, потянулись к платформе. Нам с Норой удалось проскользнуть в первых рядах. Когда я увидел поезд, с ветерком приближающийся к платформе, грудь переполнилась волнением. Пропустив выходящих, мы вошли в головной вагон. Там как раз были свободные места. Я сел и обвел вагон взглядом. В груди снова затрепетало. В естественной, повседневной жизни, теперь есть и я. Теперь я тоже часть этой жизни! Я взглянул на Нору. Он сидел, прикрыв глаза. Наверное, качка его убаюкала, да еще толкотня и греющие спину весенние лучи... Мне захотелось еще порадоваться ощущению жизни, и я снова посмотрел в вагон.

Но...

Что это?..

То, что отразилось в моих глазах, вовсе не было похоже на счастливую жизнь.

Не о такой жизни я мечтал.

<http://tl.rulate.ru/book/27396/582272>